

Троцук Ирина Владимировна
Российский университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация
irina.trotsuk@yandex.ru

Мейнстрим и пробелы в критике опросных методов

Аннотация. В статье обозначены основные направления методических дискуссий о возможностях и ограничениях опросного метода (прежде всего, опросов общественного мнения), обусловленных, в том числе, общим состоянием профессионального социологического сообщества – «методологической травмированностью». Перечисленные акценты методических дискуссий (результат некоторого метатеоретического взгляда на отдельную область социологической деятельности – массовые опросы) позволили обнаружить важные пробелы в методической критике опросных методов, очевидные как для внешних наблюдателей и «потребителей» опросных данных, так и для социологов. В статье представлены два примера-иллюстрации, обосновывающие необходимость постановки новой (или возвращения прежней) исследовательской задачи для современной опросной индустрии – работы с вордингом.

Ключевые слова: «методологическая травма»; метатеоретизирование; опросы общественного мнения; ограничения опросного метода; методические дискуссии; внешняя и внутренняя критика; проективные методики; когнитивный анализ

Trotsuk Irina Vladimirovna
RUDN University,
Moscow, Russian Federation
irina.trotsuk@yandex.ru

Mainstream and gaps in the criticism of survey methods

Abstract. The article identifies the main directions of methodological discussions about the possibilities and limitations of the survey method (primarily opinion polls), which are determined by the general state of the professional sociological community – ‘being methodologically traumatized’. The identified accents of discussions (the result of some metatheoretical perspective applied to the particular area of sociology – mass surveys) allowed to find important gaps in the methodological criticism of survey methods, which are obvious for external observers and ‘consumers’ of survey data and sociologists. The article presents two examples-illustrations that prove the need for a new (or rather for return to the old) research task for the contemporary survey industry – the study of questionnaire wording.
Keywords: ‘methodological trauma’; metatheorizing; opinion polls; limitations of the survey method; methodological discussions; external and internal criticism; projective techniques; cognitive analysis

С середины 2000-х годов российский социологический дискурс обрел новую характеристику работы исследователей, прежде всего, представителей опросной индустрии, – «методологическая травмированность». Первоначально это был внутридисциплинарный «диагноз» – «растерянность перед обилием социологических теорий, методологий, методов в процессе принятия решений о выборе средств познавательной деятельности» [Татарова, 2006: 3] в постмодернистском контексте «сомнений в истинности любой теории, техники и метода» [Richardson, 2002: 416]. Этот «диагноз» подразумевал единственный способ «излечения» – метатеоретическую интеграцию социологического знания: «изучение взаимообусловленности, взаимоопределенности методов, рефлексия о строении языка социологического исследования как системы» [Татарова, 2006: 4]; «рефлексивное исследование собственной дисциплины» [Ритцер, 2002]; бдительность в оценках эпистемологии, а не только концептуальных объективаций социального мира [Bourdieu, Wacquant, 1992]; создание «новой социологии», уходящей от дилеммы «структура-общество» с помощью понятий «социальные события/существование/становление» [Sztompka, 2008], или «публичной социологии», снимающей дилемму «научное/академическое-практическое/полезное» [Burawoy, 2005] и т.д. (конечно, поиски «излечения» начались не в середине 2000-х годов [Glass, 1976; Тернер, 1994; Батыгин, 1995; Татарова, 1999]).

Социологи прилагают серьезные усилия для мета-смягчения своей «методологической травмированности». Если выделить в ней две условные причины – диагностическую (выбор методик) и аналитическую (интерпретация данных), то окажется, что попытки избавления социологического сообщества от «травмы» сосредоточены на аналитическом «полюсе». Либо мы ищем инструменты интеграции методических решений и «смешения стратегий» анализа [см., напр.: Савинская и др., 2014]; либо обосновываем отказ от метатеоретизирования, поскольку интеграция предоставляет меньше возможностей для эмпирического поиска, чем продуманная эклектика [см., напр.: Папакостас, 2016: 23]; либо применяем метатеоретизирование точно – как инструмент концептуального упорядочивания отдельных предметных областей и избавления от терминологической путаницы (например, это «теоретическая кодификация и концептуальная стандартизация» социологической теории действия [Девятко, 2003: 38] или объединение концептуальных подходов к анализу текстовых данных в социологии в две группы на основе различия систем целеполагания и расширительной трактовки контент-анализа [Таршис, 2014; Троцук, 2014; 2017]).

Говорить о метатеоретическом подходе к эмпирической социологии в целом невозможно – вряд ли можно применить к этому огромному разрозненному полю унифицирующие процедуры систематизации (они дадут тривиальные и предсказуемые результаты типа общих проблем всех методов сбора эмпирической информации, например, неискоренимого субъективизма всех вовлеченных в этот процесс). Однако можно говорить о систематизации складывающихся в отечественной социологии

споров о качестве определенных типов данных в ответ на их внешнюю критику. Так, социологам приходится обсуждать возможности и ограничения опросных методов в ответ на медийную критику, что меняет акценты и в профессиональной полемике о проблемах и перспективах эмпирической социологии и смещает фокус дискуссий на инструменты до- и после-полевого контроля для преодоления не вполне социологических проблем (замалчивания, забывания, стигматизации и пр.). «Внешнее» давление привело к тому, что внутридисциплинарные дискуссии начали выходить за прежде казавшиеся незыблемыми границы между научным дискурсом и обыденными суждениями (о нерепрезентативности выборки и некорректных формулировках вопросов сегодня рассуждают все телевизионные «эксперты»). И если раньше социологи сдержанно реагировали на медийную критику своих данных, то теперь не только разъясняют сугубо методические вопросы широкой публике, но и стараются сами презентовать в средствах массовой информации результаты исследований, чтобы избежать искажения данных (но не всегда успевают опередить заинтересованную общественность или же презентуют опросы в констативно табличном формате, не подозревая, какие из привычных формулировок вызовут чье-то раздражение).

Ориентация на диалог с «внешним» заказчиком исследований («социальный заказ») определяет сосредоточение методических дискуссий на аналитическом «полюсе» мета-разговора об опросном методе в ущерб «полюсу» диагностическому, т.е. социологи перестали ставить под сомнение так называемый «вординг» вопросов и ответов. Конечно, если опрос проводится впервые и/или по новой проблематике, то инструментарий обсуждается с экспертами и проводится его пилотаж (хотя признаемся честно, во многих заказных опросах, которые нужно провести очень быстро и за очень большие деньги, о пилотаже речь не идет, и хорошо, если социологов допускают к доработке анкеты, а не требуют провести опрос по готовому инструментарию). Однако пилотаж крайне редко проводится, если методика применяется десятилетиями и считается совершенно понятной и однозначной (лишенной непредсказуемых коннотаций). Остановимся подробнее на обоих «полюсах» методической критики: (1) широко обсуждаемых ограничениях и опасностях опросного метода (в духе попыток метатеоретического синтеза «подводных камней» в работе опросной индустрии); (2) неочевидных и игнорируемых пробелах в этой критике – чтобы сформулировать исследовательскую задачу восстановления несправедливо забытого, но крайне необходимого направления социологических поисков.

Итак, какие проблемы опросного метода составляют мейнстрим социологических дискуссий. Во-первых, произошел окончательный (номинально)⁵⁶⁹

⁵⁶⁹ Номинально, потому что говорить о равнозначном статусе качественного и количественного подходов сложно: по крайней мере, с позиции «управленцев» и «социального заказа» количественный подход (в демоскопически-электоральной версии) победил качественный, который до сих пор воспринимается как маргинальный (нередки уничижительные оценки работы его представителей – «не пойми чем занимаются», «фигней страдают» вместо того, чтобы «сделать социологию», т.е. провести массовый опрос).

отказ от противопоставления разных типов интеллектуальных процедур в целом и внутри опросного метода в частности (нет смысла обвинять фокус-группы в нерепрезентативности, если соблюдены правила рекрутинга и требования к составу и количеству групп, или превозносить надежность и валидность массовых опросов, потому что они подвержены случайным, систематическим и субъективным смещениям). Если раньше можно было говорить, что в западной социологии «спор о методе» завершился в 1970-е годы ориентацией на методологическую консолидацию, в 1990-е годы возродился в виде споров о репрезентации и легитимации и постепенно свелся к спокойному обсуждению критериев оценки качества данных [см., напр.: Green, 2001; Patton, 2002; Voils et al., 2008], а в отечественной социологии в 1990-е годы методологические («парадигматические») дебаты только начались [Батыгин, Девятко, 1994], и их накал спал к середине 2000-х, то сегодня российская и западная традиции движутся в общем русле ренессанса «спора о методе» в форме обсуждения обоснованности претензий «смешивания методов» (mixed methods research) [см., напр.: Семенова, 2014; Савинская и др., 2016; Creswell, 2009; Creswell, Plano Clark, 2011].

Во-вторых, начались дискуссии о том, насколько распространение новых технологий, прежде всего, в области сбора данных (онлайн-опросы, использование электроники для фиксации поведенческих паттернов в медиапотреблении, потенциал технологии «больших данных» и т.д.) отражается на традиционных формах, возможностях и ограничениях эмпирической работы (меняется ли в них что-то принципиально или же отличия столь же незначительны и предсказуемы, как в случае анкетирования по телефону). Новые технологии привнесли в эмпирическую социологию и новые проблемы: например, повсеместная цифровизация и компьютерные технологии предоставляют нам «большие данные», включая параданные для оценки качества опросов, но даже сами представители теории «больших данных» [напр.: Mayer-Schonberger, Cukier, 2013] утверждают, что в новом мире больших цифр строгая точность невозможна (данные постоянно меняются), а порой и нежелательна, потому что обнаруживаемые корреляции (математические расчеты) мало что говорят о том, почему что-то происходит, – они просто предупреждают, что событие произошло (например, параданные фиксируют проблему с вопросом – респонденты тратят на него нестандартно много времени, а не объясняют её причину, и тогда непонятно, зачем нам параданные и алгоритмы их сбора, если можно в ходе пилотажа спросить человека, насколько ему понятен и сложен вопрос).

В-третьих, усиливается «методический аудит» опросов [см., напр.: Рогозин и др., 2016], и акцент в нем все больше смещается на стандартизацию процедур [см., напр.: Сваффорд и др., 1999; Рогозин и др., 2018], а также на обучение (тренинги и инструктаж) и контроль интервьюеров – считается, что все более изощренным (компьютерным) технологиям контроля они противопоставляют все более искусные методы их обхода (фальсифицируя не только данные, но и процесс их сбора). Здесь

наметилась и новая тенденция: если раньше общественность не доверяла социологам, потому что они якобы скрывали свою методическую «кухню» (с самой разной мотивировкой – коммерческая тайна, запрет заказчика, авторские права, некомпетентность медийной аудитории и пр.) и предъявляли исключительно «готовые блюда», не показывая их «ингредиенты» и не объясняя «рецептуру приготовления», то сегодня к мифам об ангажированности исследователей и фиктивности данных («нарисованности цифр») добавились упреки в том, как именно эта теперь «открытая кухня» работает, поскольку социологи все чаще обсуждают методические и организационные погрешности с широкой аудиторией, а не только в профессиональном сообществе (например, если свести задачи полевого интервьюера к сбору информации, поддержанию эмпатических отношений и этическому поведению, то непонятны критерии его профессионализма – это правила любой нормальной социальной коммуникации).

В-четвертых, глобализационные тенденции обуславливают феноменальное расширение генеральной совокупности многих исследований на этапе сбора информации, но на этапе анализа акцент неизбежно делается на сопоставлении ценностных приоритетов и поведенческих паттернов составляющих совокупность подгрупп, что порождает дискуссии о возможности и оправданности межкультурных/кросскультурных сопоставлений в принципе и на основе массовых опросов в частности [см., напр.: Троцук, Савельева, 2015; Narbut, Trotsuk, 2015]. Показательно, что уже на заре становления кросс-культурного подхода его основной проблемой считался этноцентризм не респондентов, а исследователей, которые «склонны имплицитно трактовать собственную культуру как норму, а все остальные – как её вариации... Социология, сформировавшись как наука об обществе в целом, в данном контексте превращается в науку о том обществе, в котором существует, концентрируется на его социальных проблемах и отражает специфическую интеллектуальную традицию определенной культуры... Иными словами, казалось бы, объективные цифры кросс-культурных исследований на деле подкрепляют этноцентрическое мировоззрение..., причем в наименее очевидной форме ограниченность исследователей рамками мышления своей культуры воплощается в формулировках вопросов и ответов, а также в логике концептуализации рассматриваемой проблемы» [Scheuch, 1967: 7]. Фокус методических дискуссий на сравнительном анализе важен потому, что преимущественно он опирается на количественные данные, и потому традиционные ограничения опросного метода обретают здесь новые оттенки: например, появляется требование эквивалентности данных [Андреев, 2011; Davidov et al., 2014], которая предполагает (но не гарантирует) унифицированную концептуализацию и операционализацию основных понятий, а также единый метод сбора и анализа данных, но с учетом региональных особенностей подвыборок.

Приведенный список вполне достаточен, чтобы констатировать фокус методической рефлексии и критики на процедурах сбора и анализа данных, очевидно, в ущерб никогда не бывшей популярной, но все же прежде привлекавшей больше внимания работе с инструментами получения информации, особенно с вордингом опросного инструментария. Большинство возможных здесь проблем были давно сняты в ходе многочисленных пилотажей отдельных вопросов, их сочетаний и комплексных вопросников, лежащих в основе многолетних мониторинговых проектов, и не было причин для возвращения к этой работе для повторной оценки их надежности и валидности (ни внутридисциплинарных причин, ни внешних – все же за формулировки вопросов и ответов общественность редко критикует массовые опросы, она привыкла к постоянному выяснению своего мнения и почти механически отвечает на те вопросы, о которых неоднократно слышала из средств массовой информации).

Однако ситуация начала меняться: с одной стороны, новый толерантно-ориентированный мир предъявляет новые требования к вордингу вопросов и ответов, которые несколько меняют свой смысл, чего не ожидают социологи, использующие одни и те же формулировки десятилетиями (в том числе соблюдая требование сравнительных исследований – сопоставительный анализ и выявление трендов возможны только в случае сохранения единой методики проекта). Яркий пример – бурные дискуссии в Интернете по поводу опроса, который был проведен Левада-Центром 20–26 февраля 2020 года для оценки социального дистанцирования на основе шкалы вопросов из исследовательского проекта «Советский человек»: была использована та же шкала, но расширен набор представителей общества, чье поведение может рассматриваться как преступное и/или «девиантное». Несмотря на то, что за тридцатилетие с проведения первого замера, а также с момента предыдущего опроса в 2015 году репрессивные оценки «ликвидация» и «изоляция» стали применяться к представителям условно «девиантного» сообщества значительно реже, на интернет-сайтах появились жестко критические оценки опроса (кстати, применение той же шкалы в изучении ценностных ориентаций молодежи в 2007 году [Троцук, 2007] прошло незамеченным). В основном критика сосредоточилась на том, что некорректно спрашивать в таких недопустимых формулировках (осуждалось использование слова «ликвидация») о людях с нетрадиционной сексуальной ориентацией (исследователям припомнили и другие опросы о её восприятии российским обществом), потому что подобные вопросы не выясняют мнения, а способствуют росту нетерпимости (опрос зафиксировал самый высокий её показатель с 2010 года).

С другой стороны, сегодня мы живем в мире рейтингов, ранжируется буквально все и вся, причем по самым разным основаниям, что действительно помогает ориентироваться в выборе товаров и услуг, но часто вызывает вопросы: скажем, когда в рейтингах стран по уровню счастья или благополучия Россия оказывается на поразительно низких местах (особенно это удивительно для много путешествующих людей, которые представляют реалии тех стран, что значительно обгоняют российское

общество по «счастью»), то возникают сомнения и в критериях оценки, и в используемом опросном инструментарии (что именно имеется в виду под счастьем и как оно оценивается).

Две описанные ситуации очень похожи в том смысле, что в стоящих за ними массовых опросах игнорируется проблема избыточной коннотированности и/или размытого содержания основных используемых в них понятий. Соответственно, представляется необходимой постановка следующей исследовательской задачи: выявление проблемных элементов в вординге вопросов и ответов и уточнение их понимания респондентами с тем, чтобы при возможности устранить избыточные и неоднозначные коннотации (или денотации). Поскольку речь не может идти об отказе от количественного подхода и его замене качественным (интервью, в ходе которых можно уточнить все формулировки и трактовки вординга), решением может стать применение проективных методик (неоконченных предложений) и когнитивного анализа опросного инструментария [см., напр.: Sudman et al., 1995; Answering Questions..., 1996] на небольших выборках на предварительном этапе исследования. Причем метод неоконченных предложений может использоваться не только в своем классическом формате (анкетирование на основе 10–15 неоконченных предложений, образующих единое смысловое поле [см., напр.: Климова, 1995; Татарова, Бурлов, 1999]), но и в сокращенном виде, как письменный или устный, индивидуальный или групповой опрос.

Рассмотрим два примера, поясняющих, что имеется в виду. Первый пример связан с изучением феномена субъективного благополучия⁵⁷⁰. В глобальных сравнительных проектах применяются сложные индексы, основанные на социально-экономических показателях, а также обобщенные самооценки респондентов, полученные в ходе опросов общественного мнения. На региональном и национальном уровне могут применяться иные индексы и иной опросной инструментарий, хотя, как правило, в исследованиях субъективного благополучия акцент делается либо на «субъективном» параметре – счастье (восприятие человеком своей жизни, работы, досуга, здоровья, личных взаимоотношений и пр.) [см., напр.: Козырева и др., 2016], либо на «объективном» – качестве жизни (показатели ВВП, рыночного производства и потребления, доходов и структуры расходов сменились объективными характеристиками работы, досуга, здоровья и социального окружения, которые оцениваются в массовых опросах [см., напр.: Беляева, 2009; Латова, 2016; Стиглиц и др., 2016]). Вопрос не столько в том, как соотносятся понятия субъективного благополучия, счастья и качества жизни (хотя он не снят), сколько в том, какие методики используются для их измерения.

Мы провели групповую дискуссию со студентами четвертого курса: сначала они письменно завершили три неоконченных предложения для погружения в контекст

⁵⁷⁰ Исследование выполнено при поддержке РФФИ. Проект № 20-011-00307 «Субъективное и объективное измерения счастья: справедливость как критерий личного и социального благополучия».

беседы («Субъективное благополучие – это...», «Чтобы считаться благополучным, человеку нужно...», «Чтобы я лично считал себя благополучным человеком, мне нужно...»), затем заполнили небольшие анкеты (составленные из вопросов, которые постоянно используются в опросах общественного мнения для оценки объективных и субъективных показателей благополучия) и в ходе групповой дискуссии оценили их «качество». Первый этап показал, что благополучие студенты рассматривают одновременно с объективных – удовлетворение минимально необходимых потребностей – и субъективных позиций (удовлетворенность жизнью в целом и личное счастье), и для этого им нужны материальный достаток (высокая заработная плата и возможность делать крупные покупки), самореализация (в деятельности, приносящей удовольствие), хорошее здоровье и близкие люди рядом, т.е. здесь все вполне предсказуемо и укладывается в социальные стереотипизации (благополучие – не эмерджентная переменная, у респондентов есть устойчивые представления о структуре и факторах благополучия).

На втором этапе студенты легко и быстро заполнили анкету, в первой части которой были приведены самые распространенные вопросы из опросов общественного мнения для оценки объективных показателей благополучия (жилищные условия, возможность ежегодного отдыха, состав семьи, наличие любимого человека, материальное положение и уровень дохода), а во второй части – субъективных показателей (определение благополучной жизни, ощущение счастья, удовлетворенность разными аспектами жизни). Однако в ходе группового обсуждения анкеты выяснилось, что, хотя респонденты не оставили ни одного вопроса без ответа, они не воспринимали их так однозначно, как хотелось бы думать исследователям. Например, вопрос о ежегодном отдыхе был просто непонятен студентам, потому что «отдых» все трактуют по-разному (поездка за границу, поездка по России, дачные выходные, поход в театр или любимое хобби дома); те же проблемы вызвал вопрос о наличии любимого человека (для кого-то это мама, сестра/брат, для кого-то – молодой человек/девушка, но вряд ли исследователи принимают во внимание такую поколенчески-возрастную интерпретацию словосочетания «любимый человек»); аналогичные затруднения, обусловленные возрастом, вызвали вопросы о составе семьи и доходе (речь идет о своей семье или родительской, и что указывать, если студент живет отдельно от родителей в другом городе, но за счет родительской семьи) и т.д. В «субъективной» части анкеты большинство вопросов были посвящены счастью и счастливой жизни (эти понятия используются в опросах общественного мнения как само собой разумеющиеся [см., напр.: Счастье личное..., 2018], респондентов без всяких уточнений и разъяснений просят оценить, насколько они счастливы в конкретный момент времени и/или во временной перспективе): в групповой дискуссии студенты подчеркивали, что под счастьем может пониматься и яркое мимолетное (почти беспричинное) ощущение счастья, и вполне устойчивая рациональная оценка

своей жизни как в целом счастливой, исходя из характерного для каждого общества набора критериев счастья – в целом, для разных возрастов и полов.

Второй пример – исследования, связанные с понятием справедливости: социологи используют его как само собой разумеющийся критерий оценки самых разных аспектов современной жизни, например, социальная справедливость возглавляет список ценностей, на которых, по мнению россиян, должно строиться общество, но, пока, как считает каждый второй, в стране социальной справедливости «нет, она невозможна в принципе» [Чувство справедливости..., 2020]. Опрос студентов четвертого курса с помощью метода неоконченных предложений («Справедливость – это...», «Справедливый человек никогда не...», «Несправедливость – это...», «Несправедливый человек всегда...», «Определение “справедливый” можно использовать только по отношению к...», «Несправедливость бывает...») показал, что их трактовки справедливости весьма размыты, но сосредоточены на абстрактно-социальном уровне («соответствие деяния и воздаяния», «равенство», «понятие о должном», «честность», «моральные правила» и т.д.), и потому её противоположность (несправедливость) воспринимается фаталистично («повсеместная/вечная», «простительная», «типичная», «закономерная», «социальная» и т.д.). При переходе на личностный уровень (когда критерий справедливости применяется к человеку), разброс трактовок сокращается: справедливый человек никогда «не поступит дурно/плохо по отношению к другому», «не ставит себя выше других/не руководствуется только своими желаниями», «не нарушает требования морали/этики», «не лжет» и «не осуждает других», а несправедливый человек демонстрирует все анти-варианты перечисленных качеств. Студенты считают, что определение «справедливый» можно использовать только по отношению к людям (микро-уровень социального взаимодействия), но опросы общественного мнения вводят определение «справедливый» как критерий оценки общества и его макроструктур [см., напр.: О справедливости и несправедливости..., 2017; О справедливости..., 2018]. Иными словами, исходя из уровней проявления идеи справедливости [Штомпка, 2017: 384] – общий нравственный принцип социально одобряемого поведения, закрепляемая в кодексах правовая норма и успешность реализации этих норм в социальных отношениях – получается, что студенты мыслят справедливость скорее на первом уровне, а социологи спрашивают их о третьем [более подробно см. в: Троцук, 2019].

Таким образом, нравится нам это или нет, но социологам, видимо, придется вернуться к работе с вордингом массовых опросов, опираясь на проективные методики и когнитивный анализ опросного инструментария, задача которого – «установить, что человек думает, отвечая на вопросы интервьюера... традиционные подходы к анализу вопросника (экспертные оценки разработчиков анкеты и интервьюеров, принимающих участие в её тестировании)... не релевантны, так как исследователю необходимо протестировать не лексическую или логическую правильность вопросов (например,

сбалансированность закрытий), а их семантическое соответствие “теме”... Исследователя интересует... интерпретация вербального материала говорящим и слушающим» [Рогозин, 2000: 19]. Такая частная задача – «аудита» опросного инструментария – на самом деле будет способствовать интеграции социологического знания, потому что потребует сочетания элементов качественного и количественного подходов на этапах сбора и анализа информации, понятий социологического и лингвистического дискурсов, а также конкурирующих теоретико-методологических подходов, что поможет смягчить две важнейшие проблемы дисциплины – «фракционность» социологического сообщества и порой избыточный эмпиризм (демоскопизм) социологии. Кроме того, такая фокусировка методической критики позволит не только решить внутридисциплинарные задачи (самопознания и четкого понимания объекта, предмета и целей), но и противостоять внешним критическим выпадам, уточняя верность интерпретации профессиональным сообществом тех ключевых слов, что опрашиваемые группы используют для выражения своих социальных установок и ценностных ориентаций.

Библиографический список

Андреенкова А. В. Межстрановые сравнительные исследования в социальных науках: методология, этапы развития, современное состояние // Мир России. 2011. № 3. С. 125–154.

Батыгин Г. С. Лекции по методологии социологических исследований. М.: Аспект-Пресс. 1995. 286 с.

Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 28–42.

Беляева Л. А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 33–42.

Девятко И. Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванти-плюс. 2003. 336 с.

Климова С. Г. Опыт использования методики неоконченных предложений в социологическом исследовании // Социология 4М. 1995. № 5–6. С. 49–64.

Козырева П. М., Низамова А. Э., Смирнов А. И. Счастье и его детерминанты (статья 2) // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 66–76.

Кученкова А. В., Татарова Г. Г. «Этап жизненного цикла» как детерминанта субъективного благополучия личности // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 30–43.

Латова Н. В. Удовлетворенность россиян жизнью во время кризиса: 2015 – год бифуркации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 16–37.

О справедливости и несправедливости в российском обществе: Справедливо ли устроено российское общество? И хотят ли власти сделать его более справедливым? [Электронный ресурс] // Фонд Общественное Мнение: [веб-сайт]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/13279> (дата обращения: 30.03.2020).

О справедливости: Что устроено справедливо, а что – несправедливо в современном российском обществе? [Электронный ресурс] // Фонд Общественное Мнение: [веб-сайт]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14099> (дата обращения: 30.03.2020).

Папакостас А. Становление цивилизованной публичной сферы: недоверие, доверие и коррупция / Пер. с англ. Д. Жихаревича. М.: ВЦИОМ. 2016. 224 с.

Рогозин Д. М. Когнитивный анализ опросного инструмента // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 18–68.

Рогозин Д. М., Ипатов А. А., Галиева Н. И. Стандартизированное (телефонное) интервью. М.: Пункт. 2018. 416 с.

Рогозин Д. М., Картавцев А. А., Галиева Н. И., Вьюговская Е. В. Методический аудит массового опроса. М.: Издательский дом «Дело». 2016. 358 с.

Савинская О. Б., Истомина А. Г., Ларкина Т. Ю., Круглова К. Д. Концептуальные представления о стратегиях «смешивания методов» (mixed methods research): этапы развития и современные дискуссии // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 21–29.

Сваффорд М. С., Косолапов М. С., Козырева П. М. Международные стандарты оценки качества социологических обследований // Мир России. 1999. Т. VIII. № 1- 2. С. 281–302.

Семенова В. В. Стратегии комбинации качественного и количественного подходов при изучении поколений // ИНТЕР. 2014. № 8. С. 5–15.

Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж. П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла // Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара. 2016. 211 с.

Счастье личное, гражданское, общечеловеческое: опрос сообщества ОГФ: Аналитический отчет [Электронный ресурс] // Левада-центр: [веб-сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2018/12/12/cchaste-lichnoe-grazhdanskoe-obshhechelovecheskoe-opros-soobshhestva-ogf> (дата обращения: 30.03.2020).

Таршис Е. Я. Контент-анализ: принципы методологии (Построение теоретической базы. Онтология, аналитика и феноменология текста. Программы исследования). М.: Книжный дом «Либроком». 2014. 182 с.

Татарова Г. Г. Методологическая травма социолога. К вопросу интеграции знания // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 3–12.

Татарова Г. Г. Методология анализа данных в социологии (введение). М.: Nota Bene. 1999. 224 с.

Татарова Г. Г., Бурлов А. В. Логическая организация анализа данных, полученных методом неоконченных предложений // Социологические исследования. 1999. № 8. С. 123–133.

Тернер Дж. Аналитическое теоретизирование // Thesis. 1994. Вып. 4. С. 119–157.

Троцук И. Проблема насилия в российском обществе: «нормальные» и «патологичные» проявления // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2007. № 3. С. 47–55.

Троцук И. В. О метатеоретизировании в области анализа текстовых данных // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 12–21.

Троцук И. В. Справедливость в социологическом дискурсе: семантические, эмпирические, исторические и концептуальные поиски // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 1. С. 218–249.

Троцук И. В. Текстовый анализ в социологии: проблемы и обещания разных типов «чтения» слабоструктурированных данных. М.: РУДН, 2014. 318 с.

Троцук И. В., Савельева Е. А. Сравнительные исследования ценностных ориентаций: возможности, ограничения, логика развития // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 4. С. 159–172.

Чувство справедливости у нас заменяет фраза «А почему мне не дали?» [Электронный ресурс] // Коммерсантъ: [веб- сайт].URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4266883> (дата обращения: 14.04.2020).

Штомпка П. Справедливость // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 381–399.

Answering Questions: Methodology for Determining Cognitive and Communicative Processes in Survey Research / Ed. by N. Schwarz, S. Sudman. San Francisco: Jossey-Bass, 1996. 469 p.

Bourdieu P., Wacquant L. An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 332 p.

Burawoy M. For public sociology // American Sociological Review. 2005. Vol. 70. P. 4–28.

Creswell J. Research Design: Qualitative, Quantitative and Mix Method approaches. Thousand Oaks: Sage, 2009. 262 p.

Creswell J.W., Plano Clark V.L. Designing and Conducting Mixed Methods Research. Thousand Oaks: Sage, 2017. 520 p.

Davidov E., Meuleman B., Cieciuch J., Schmidt P., Billiet J. Measurement equivalence in cross-national research // Annual Review of Sociology. 2014. Vol. 40. P. 55–75.

Glass G.V. Primary, secondary, and meta-analysis of research // Educational Researcher. 1976. № 5. P. 3–8.

Green E.C. Can qualitative research produce reliable quantitative findings? // Field Methods. 2001. Vol. 13. № 1. P. 3–19.

Mayer-Schonberger V., Cukier K. Big Data: A Revolution that will Transform How We Live, Work and Think. Boston: Houghton Mifflin Harcourt. 2013. 242 p.

Narbut N.P., Trotsuk I.V. Comparative analysis as a basic research orientation: Key methodological problems // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 4. С. 7–19.

Richardson L. Writing sociology // Cultural Studies ↔ Critical Methodologies. 2002. Vol. 2. No. 3. P. 414–422.

Scheuch E.K. Society as context in cross-cultural comparisons // Social Science Information. 1967. Vol. 6. № 7. P. 7–23.

Sudman S., Bradburn N., Schwarz N. Thinking About Answers: The Application of Cognitive Processes to Survey Methodology. San Francisco: Jossey-Bass. 1995. 304 p.

Sztompka P. Focus on everyday life: A new turn in sociology // European Review. 2008. Vol. 16. № 1. P. 23–37.

Voils C.I., Sandelowski M., Barroso J., Hasselblad V. Making sense of qualitative and quantitative findings in mixed research synthesis studies // Field Methods. 2008. Vol. 20. № 3. P. 3–25.